
Л. Ю. ПИОНТКЕВИЧ

ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Социально-философский дискурс последних десятилетий характеризуется пристальным вниманием к проблеме справедливости. Это связано в основном с выходом в свет в 1971 г. известной книги американского философа Дж. Роулза «Теория справедливости». «Справедливость, – писал Роулз, – есть главная добродетель социальных установлений, как истина есть главная добродетель систем мышления»¹. Таким образом, справедливость, и с этим соглашается большинство теоретиков, имеет самое непосредственное отношение к социальным установлениям, оценивая их с точки зрения распределения ролей, задач, преимуществ или потерь, испытываемых членами общества при условии наличия «желания жить вместе» (П. Рикер). Главная проблема, на которую обращают внимание исследователи, состоит в том, чтобы выяснить, каким образом intersубъективные связи, в основе которых лежит противостояние одного субъекта другому, порождают консенсус, определяющий в конечном итоге справедливое распределение имеющихся в наличии благ. Ведь справедливость благодаря своему распределяющему характеру несет в себе элементы различия, разделения, и в то же время она способствует сочленению, согласованию разнородных воли и претензий, превращая общество в единое целое, основанное на сотрудничестве.

Справедливость – это нечто больше, чем просто одна из ценностей, так как не включает в себя никакого конкретного представления о благе. Она всегда является «не-достигнутым» состоянием, поскольку разговор о ней возникает только ввиду ее отсутствия, как реакция на несправедливость². В силу своего непосредственно-

¹ Роулз, Дж. Теория справедливости / пер. с англ. и науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск, 1995. – С. 19.

² См.: Шабуров, А. Г. «Справедливое» и «несправедливое» в современном идеологическом дискурсе // Без темы. – 2007. – № 2(4). – С. 21–27.

практического характера справедливость существенно отличается от других подобных ей высших жизненных идей, потому что жизнь людей в обществе немислима без надлежащего урегулирования его фундаментальных основ, к числу которых относится справедливость.

Проблема справедливости сложна и многогранна, на что указывают все теоретики справедливости. Об этом писал еще Аристотель. Так, при установлении выделяемой им (книга 5-я «Никомаховой этики») (дистрибутивной) распределительной справедливости, связанной с распределением благ – почестей, материальных вознаграждений, различного рода преимуществ, – необходимо принимать во внимание заслуги и распределять по достоинству, что, конечно же, непросто. «Дело в том, – пишет Аристотель, – что распределительное право, с чем все согласны, должно учитывать известное достоинство, правда, “достоинством” не все называют одно и то же, но сторонники демократии – свободу, сторонники олигархии – богатство, иные – благородное происхождение, а сторонники аристократии – добродетель»³. Однако есть области, принципы действия в которых не вызывают возражения при оценке их с позиций справедливости. Речь идет о коммутативной (уравнивающей) справедливости. Коммутативная справедливость применяется в сфере обмена и со времен Аристотелева критического анализа справедливости представляет собой второй после дистрибутивной вид справедливости. На самом деле и при уравнивающей справедливости не все так просто. Согласно Аристотелю, только тот обмен может считаться справедливым, при котором учитываются пропорции соотношения обмениваемых благ. «Поэтому все, – пишет Аристотель, – что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется, а значит, как переизбыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому или еде»⁴.

Позиция Аристотеля, в основе которой лежит установка на признание справедливым только пропорционального обмена, была поставлена под сомнение Т. Гоббсом. «Цена вещей, являющихся объектом договора, – писал Т. Гоббс, – измеряется желанием дого-

³ Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 151.

⁴ Там же. – С. 156.

варивающихся сторон, и справедливой ценой поэтому является та, которую они согласны дать»⁵.

Таким образом, при коммутативной справедливости оценка распределения в процессе обмена может быть однозначно истолкована как справедливая только в случае достижения соглашения сторонами по всем пунктам осуществляемой сделки. Если же договоренности достичь не удалось, то сделка просто не состоится, и участники переговоров мирно разойдутся по своим делам. Следовательно, независимо от того, оцениваются обмениваемые товары по рыночной стоимости или цены устанавливаются произвольно, по обоюдному желанию сторон, сам факт достижения соглашения свидетельствует в пользу его справедливости.

Распределительная справедливость в силу своей природы предполагает существование конфликтов; поэтому она призвана гармонизировать антиномии: в гармоничном самом по себе порядке, например в обществе ангелов и святых, справедливость не нужна и бесполезна. И, как верно отметил Г. Радбрух, «если отношения уравнивающей справедливости требуют участия по крайней мере двух лиц, то распределительной – по крайней мере трех»⁶. В первом случае два противостоящих друг другу лица равноправны. Во втором – одно из этих трех лиц в качестве начальника налагает на двух других обязательства или предоставляет им преимущества.

Таким образом, распределительная справедливость предполагает существование арбитра, который уполномочен объединившимися гражданами следить за тем, чтобы осуществляемое между ними распределение соответствовало достигнутой договоренности. Если распределение признается всеми людьми как выполнение условий достигнутой между ними договоренности, то оно является справедливым и значимым для всех, обязательным для исполнения. Всеобщая значимость и обязательность для исполнения некоторого правила являются выражением существенных качеств закона. Следовательно, одобряемый всеми принцип распределения принимает форму закона, претворение в жизнь которого и позволяет осуществить распределение благ согласно достигнутой договоренности, то есть осуществить справедливое распределение. Проблемность создания интерпретационной модели распределительной справедли-

⁵ Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс // Соч.: в 2 т. – М., 1991. – Т. 2. – С. 116.

⁶ Радбрух, Г. Философия права. – М., 2004. – С. 43.

ности объясняется сложностью обоснования достигнутой договоренности: каковы критерии, позволяющие людям признать справедливым именно этот, а не другой принцип распределения?

Для выяснения вопроса «чему служит справедливость?» Гоббс обращается к государству. С его точки зрения, функция справедливости состоит в обеспечении достижения цели, ради которой люди объединяются в государство. А объединяются они в государство для того, чтобы сохранить свое «собственное», свою собственность. Справедливость же призвана этот процесс распределения «собственного» урегулировать. В подтверждение этой мысли Гоббс приводит определение справедливости, данное схоластами: «Справедливость есть неизменная воля давать каждому человеку его собственное»⁷. Но что представляет собой это собственное, они узнают только после того, как вступит в законную силу принятое ими же соглашение, фиксирующее этого «собственного» границы. Однако для того, чтобы подобная процедура стала возможной, все распределяемые блага должны оказаться в распоряжении тех, кто это распределение осуществляет. Следовательно, логично предположить, что процедуре распределения предшествует символическая процедура передачи всех благ, находящихся в единоличном владении при жизни в естественном состоянии, в коллективную собственность образуемой индивидами ассоциации. Таким образом, между жизнью естественной, когда каждый считал своим все, что он мог добыть и удержать, и жизнью общественной, где право присвоения ограничено рамками дозволенного – собственностью, должно существовать переходное состояние передачи всего имеющегося в коллективное ведение и распоряжение.

Положение благ, находящихся в коллективном владении, таково, что никто из желающих не имеет преимущественного права доступа к ним. Однако исключительной важности момент заключается в том, что, несмотря на то, что желаемое «нечто» находится в ведении всех входящих в ассоциацию субъектов, последующее оформление благ в собственность, их индивидуальное присвоение, становится возможным только на основании закона, который распространяется на всех без исключения членов сообщества.

В условиях совместной деятельности индивид вынужден считаться с интересами других, то есть принять для себя в качестве

⁷ Гоббс, Т. Указ. соч. – С. 110.

обязательного способ получения желаемого, который принят в ассоциации в качестве закона. Считаясь с интересами других, никто не может претендовать на получение большего, чем это предусмотрено законом и установлено принятыми нормами. Соответственно ни у кого не должно быть возможности уклониться от исполнения обязательств, рассчитывая на особые привилегии, ущемляющие положение одних и обеспечивающие преимущества другим. Поэтому основанием такого порядка выступают ценности равенства и беспристрастности. Но равенство само по себе может принимать различные значения. С одной стороны, имеется в виду равенство самих субъектов как необходимая предпосылка справедливого *распределения* между ними. Подобное равенство является необходимым условием справедливости самого принципа распределения. Справедливость возможна только при условии равного влияния каждого на принимаемое решение, исключающее возможность преимущественного отстаивания интересов как следствия отношений господства-подчинения. Подобное равенство обусловлено равенством в отношении распределяемой собственности: она находится в коллективном владении. С другой стороны, равенство, как и беспристрастность, должны обеспечивать справедливое *применение* того или иного правила, то есть каждый должен получать *равную долю* при выполнении одних и тех же требований, предусмотренных законом. Равенство по отношению к закону предполагает равное ограничение свободы для каждого в целях получения желаемого. Следовательно, договориться могут только те индивиды, которые находятся в равном отношении к распределяемым благам, а договорившись, они в равной мере подпадают под юрисдикцию созданного ими закона.

Таким образом, вести речь о справедливости возможно лишь при условии, когда распределяемое нечто находится в совместном, коллективном владении всех членов кооперации. И именно владельцы распределяемых благ определяют принцип распределения, в соответствии с которым каждый получает справедливую долю. Ввиду подобного обстоятельства фактически невозможно предъявить обвинения в несправедливости частному владельцу, организующему свое производство и распределяющему по своему усмотрению вознаграждение среди работающих на него работников. Любой устанавливаемый им принцип распределения будет соот-

ветствовать его интересам, так как только сам владелец формулирует цели распределения принадлежащих ему благ (цели организованного им производства), и цели эти могут быть самыми различными – от получения наибольшей прибыли до благотворительности в пользу работающих на его предприятии. Возражения с позиций справедливости распоряжения такого собственника могут вызвать только при условии их несоответствия поставленной им же самим цели.

Возможность установления справедливости в подобных отношениях, в отношениях господства-подчинения, вызывала сомнения еще у Аристотеля. Аристотель задавался вопросом: есть ли место для справедливости в отношении слуги к господину и сына к отцу? Его ответ был отрицательным: «Но справедливое тут, по видимому, лишь ономим к справедливому между гражданами государства»⁸. При этом Аристотель оговаривался, что все-таки полностью исключать справедливость из этих отношений не стоит, так как нужно иметь в виду, что «дурное применение власти не приносит пользы ни тому ни другому... Поэтому полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение»⁹. Очевидно, что в отношениях господства и подчинения – изначально неравных – невозможно вести речь о справедливости. У подчиняющегося раба отсутствует возможность предъявления каких-либо требований к своему господину, идет ли речь об увеличении доли причитающегося ему вознаграждения или изменении (смягчении) условий труда. Состояние зависимости исключает подобную возможность, так как раб не обладает правом распоряжения и владения произведенным им же продуктом. Право это принадлежит господину как властителю. Власть с самого начала ставит одного субъекта в преимущественное положение по отношению к другому, исключая такие важные, как указывалось выше, характеристики справедливости, как равенство и беспристрастность. Господин всегда пристрастен, по крайней мере, он ничем не стеснен в выборе своих предпочтений. Единственное, что его может остановить, так это негативное воздействие его страстей на конечный результат господства – на получаемый доход. Поэтому, как справедливо заметил Аристотель, гос-

⁸ Аристотель. Большая этика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 324.

⁹ Там же. – С. 386.

подину желательно устанавливать дружеские отношения со своими рабами, от этого выиграют не только рабы, но и сам господин. Однако, как говорится, свою голову этому господину не приставишь, и если уж он не желает быть разумным, заставить его никто не сможет. Таким образом, отношения господина и раба характеризуются асимметричной зависимостью: господин имеет *право* требовать от раба выполнения своих приказов, но он не несет перед рабом никаких *обязательств*, в то время как раб, имея обязательства перед господином, не может рассчитывать на возникновение каких-либо прав.

В рассуждения о «праве» господина следует внести, однако, существенные коррективы. Само употребление понятия «право» в данной ситуации не совсем корректно, так как право одного лица предполагает уважение, признание его со стороны другого лица, исключающее возможность его нарушения. При этом лицо, уважающее право другого, обязано избегать действий, которые бы это право нарушали. Вряд ли подчиненный труд раба в таком случае подпадает под подобную мотивировку – обеспечить господину реализацию его права. Для этого ему как минимум нужно быть свободным – присваивать произведенные блага без санкции другого. Получается, что условием возникновения «права» является свободное сосуществование субъектов, которые ради этих прав вынуждены ограничивать свое свободное существование, то есть мириться с некоторой несвободой.

Как уже отмечали, исключаящими справедливость являются отношения господства-подчинения, когда распределение имеющегося в собственности господина зависит исключительно от его желаний и предпочтений: господином ставятся условия распределения, и им же эти условия изменяются по его собственному усмотрению. Властитель – это собственник, и его власть основана на том факте, что в присвоении принадлежащих ему благ заинтересованы другие индивиды, которые и получают их в обмен на подчинение. Эта версия концептуализации власти была выдвинута основателями теории «обмена ресурсами» (П. Блау, Д. Хиксон, К. Хайнингс и др.). Представители этой теории пришли к выводу, что основанием властных отношений в обществе является неравное распределение ресурсов между участниками социального взаимодействия, обуславливающее острую потребность в них со стороны тех, кто их

лишен. Индивиды, располагающие «редкими ресурсами», могут трансформировать их излишки во власть, уступая часть ресурсов тем, кто их лишен, в обмен на желаемое поведение. Казалось бы, власть в таком случае является разновидностью обменных процессов в обществе, представляя собой обмен эквивалентными ценностями, и в контексте нашего исследования могла бы быть проанализирована с позиций коммутативной справедливости. Однако представителями теории обмена, на наш взгляд, затушевывается весьма существенный момент проявления феномена власти, который был выявлен К. Марксом, серьезно исследован им, получив развитие в теории эксплуатации. Маркс обратил внимание на тот факт, что владение ресурсами (а применительно к экономической власти речь идет о собственности на средства производства) позволяет присваивать способность человека к труду и результаты этого труда, компенсируя лишь часть произведенных затрат. Владение редкими ресурсами как существенный признак власти дает возможность присваивать чужой труд без эквивалентного возмещения. «Однако обмен эквивалентов, – пишет Маркс, – выступавший как та первоначальная операция, в которой периодически было выражено право собственности, обернулся таким образом, что для одной из сторон он является лишь видимостью обмена, так как часть капитала, обмененная на живую рабочую силу, во-первых, сама является чужим трудом, присвоенным без эквивалента, и, во-вторых, она должна быть с избытком возмещена живой рабочей силой. Итак, отношение обмена отпало или является всего лишь видимостью»¹⁰. Специфика феномена власти состоит в том, что блага, которые благородно жалуются подчиненным ей индивидам, произведены ими же самими, представляют продукт их труда, усилий, творчества и т. п., но возвращаются они своим производителям не в полном объеме, а лишь частично, по усмотрению властителя, в соответствии с произведенной им оценкой их стоимости. Власть имущий располагает возможностями, позволяющими присвоить производительную способность других индивидов и соответственно присвоить все то, что ими создано, в обмен на обещанные блага, но с выгодой для себя. Власть – это форма неэквивалентного обмена, предоставляющая преимущества властителю и не

¹⁰ Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). – М., 1980. – Ч. 1. – С. 451.

оставляющая возможности выбора подчиненному ей индивиду. В этом заключена ее величайшая притягательная сила, ведь она, по сути, представляет собой законный способ присвоения принадлежащего другому.

Можно назвать еще один существенный момент, исключаящий возможность применения оценки с позиций справедливости к отношениям господства-подчинения. Будучи собственником производимого другими предмета, власть имущий при распределении этого предмета не может быть поставлен в зависимость от издаваемого им самим закона, так как он сам является его олицетворением, воплощением своеобразного синтеза законодательной, исполнительной и судебной функций в одном лице. Являясь автором императивных требований, обращенных к подчиненным, и одновременно арбитром, обладающим правом изменять их содержание и предусмотренные за их неисполнение санкции в зависимости от произвольно выбираемых целей, ценностей, властитель абсолютно свободен в выборе количества даваемого. Находящиеся в подчинении индивиды в получении желаемых благ могут рассчитывать только на счастливое стечение обстоятельств и на благосклонность своего благодетеля – не более. Они лишены возможности требовать, так как желаемое им не принадлежит, они не располагают *субъективным правом*, позволяющим с полным основанием заявить: «У меня есть на *это* право» или «Вы не имеете на *это* права». Возможность подобных заявлений говорит о том, что требуемое индивидом «нечто» уже принадлежит ему в качестве его «собственного», закреплено в законе как «право», и поэтому действия других, на это собственное претендующих, лишены реальных оснований. Именно поэтому справедливости требуют. «Если доброжелательности, – пишет Хеффе, – великодушия или солидарности мы просим или на них надеемся, то справедливого поведения мы требуем»¹¹.

В современном обществе экономическая власть становится основой власти вообще, поэтому главные механизмы установления справедливости становятся все более экономическими, а не политическими. Политическая власть зависит от экономики настолько, что справедливый политический строй невозможен без реформи-

¹¹ Хеффе, О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. – М., 1994. – С. 29.

рования экономического строя, точнее, без реформирования системы собственности. Падает покупательная способность масс, и рынки не справляются со все увеличивающимся потоком товаров, в результате чего периодическое перепроизводство товаров приводит к росту безработицы и экономическим рецессиям. Как показывает практика, все попытки решить проблему несправедливого распределения предметов потребления в рамках существующих общественных отношений в долгосрочном плане терпят провал.

Здесь нельзя не заметить, что переживаемый современным обществом глубокий кризис еще раз подтвердил жизненную силу марксистской теории справедливости. Неслучайно происходит своего рода возврат к Марксу, к его творческому наследию. Американский экономист Е. Хант в этой связи отмечал: «Я верю в то, что если когда и будет создано общество, основанное на принципах истинного равенства и свободы, его создатели будут многим обязаны идеям К. Маркса»¹². Политические теории моралистов и религиозных идеалистов, пытающихся обойти или игнорировать экономические основы справедливости, невероятно наивны по сравнению с марксистским анализом.

В своей статье мы коснулись лишь некоторых, как нам кажется, важных аспектов проблемы справедливости. Ее решение имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. Именно несправедливое распределение общественных благ нередко приводит к социальным катаклизмам, революциям и войнам. Надо признать, что мы живем в самом несправедливом обществе. Сотни миллионов людей элементарно голодают, в то время как небольшая кучка собственников владеет колоссальными богатствами. «Всего лишь 358 миллиардеров владеют таким же богатством, как и 2,5 миллиарда человек, вместе взятые, почти половина населения Земли»¹³. Человечество должно осознать, что от справедливого распределения материальных и духовных ценностей зависит его будущее.

¹² См.: Брагинский, С. В., Певзнер, А. Я. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М., 1991. – С. 22.

¹³ Мартин, Г.-П., Шуманн, Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию / пер. с нем. – М., 2001. – С. 46.